

В МИРЕ НАУКИ

SCIENTIFIC
AMERICAN

Издание на русском языке

Апрель **4** 1992

ЛАЗЕРНЫЙ ЗАХВАТ
НЕЙТРАЛЬНЫХ ЧАСТИЦ

Полная коллизий судьба Н. В. Тимофеева-Ресовского (далее Н. В.) дает повод для разговора о нравственности и этике в науке, об ответственности ученого не только перед своими современниками, но и перед потомками, которым завещаются его труды. Статья американских авторов, безусловно, дополняет наши представления о жизни и деятельности этого ученого, пользующегося мировой известностью, и еще раз заставляет нас выразить свое отношение к личности Н. В. и дать оценку его гражданской позиции. Это нужно не уже ушедшему из жизни ученому, а нам, его потомкам, чтобы научиться жить и поступать по совести.

Нашим читателям многие факты из жизни и научной деятельности Н. В. Тимофеева-Ресовского хорошо известны и по повести Д. Гранина «Зубр», и по множеству статей в научной и популярной литературе, в средствах массовой информации, и из передач по радио и телевидению. На этом фоне новая публикация не может претендовать на полноту исторического анализа творчества Н. В. Хотя в ней и утверждается, что «главные научные достижения [Н. В.] получены в период его работы в нацистской Германии», объективную оценку личности Н. В. как ученого и как гражданина можно дать только с учетом фактов его жизни в послегерманский период, многие из которых хорошо известны автору этих строк, знакомому с Н. В. с его первого приезда в Москву осенью 1955 г., когда он на домашнем кружке А. А. Ляпунова впервые за 30 лет выступил с научным докладом в Москве, и остававшемуся близким ему до кончины весной 1981 г.

Почти сразу по окончании войны, в августе 1945 г., Н. В. попадает во внутреннюю тюрьму Лубянки. Здесь в общей камере он организует научный семинар, на котором докладывает о биофизическом анализе мутационного процесса. Среди слушателей этого семинара был и А. И. Солженицын. Здесь же безвестный поппик, сгинувший в мясорубке ГУЛАГа, выступает с лекцией-проповедью «О непостыдной смерти», произведшей на Н. В. огромное впечатление и вспоминаемой им до конца жизни. А за Лубянку последовал Карагандинский лагерь, где ученый едва не умер от пеллагры. Затем — восьмилетний период работы в секретном «ящике». С 1955 по 1962 г. Н. В. был сотрудником Института биологии Уральского филиала АН СССР, где он создал отдел биофизики и экспериментальную станцию в Ильменском заповеднике. Здесь в 1956 г. на оз. Миассово он организовал знаменитую, постоянно действующую летнюю школу, через кото-

рую прошли сотни молодых биологов, получивших возможность овладеть азимы генетического образования, недоступного им ни в сталинский период, ни в годы хрущевской оттепели, когда еще культивировались лженаучные взгляды лысенковцев. А еще до этого — знаменитый семинар у П. Л. Капицы и лекции в ЛГУ, куда Н. В. был приглашен проф. М. Е. Лобашевым с согласия ректора, математика А. Д. Александрова. Ученики Н. В. защищали кандидатские и докторские диссертации, а его идеи, которыми он охотно делился со всеми, стали не только завоевывать нашу научную среду, но и нередко в слегка трансформированном виде заимствовались его хулителями и гонителями; некоторые из них на этом плагиате достигали высших академических званий. Популярность Н. В. росла, и это вызывало раздражение у лысенковцев; вновь последовали доносы как на Н. В., так и на организаторов научных семинаров — Капицу и Ляпунова.

Уместно сказать, что у Н. В. в эти годы не было советских дипломов ни кандидата, ни доктора наук, и ему в виде особой любезности положили оклад младшего научного сотрудника без степени. Ученые советы Ботанического института и Института цитологии, обеспокоенные этой ситуацией, 20 декабря 1957 г. провели совместное заседание, на котором в отсутствие Н. В. единогласно проголосовали за присуждение ему степени доктора honoris causa. Однако решения этих ученых советов не были утверждены ни в ВАКе, ни в Академии наук и диплом Тимофееву-Ресовскому выдан не был.

Помощь пришла с неожиданной стороны. Об ученом услышал член Политбюро ЦК КПСС, в прошлом секретарь Свердловского обкома А. Кириленко. Он поддержал инициативу ряда физиков и биологов о защите Н. В. диссертации по совокупности работ. В ВАКе это встретило поддержку со стороны бывшего лысенковца, к тому времени разошедшего со своим патроном, агронома В. Н. Столетова, и занявшего кафедру генетики в МГУ, где также периодически выступал Н. В. Разрешение на защиту было получено, и в 1961 г. Тимофееву-Ресовскому присудили степень доктора наук. Однако в течение нескольких лет ВАК не утверждал это решение. Вновь доносы сторонников лжеучения Лысенко и просто «политически бдительных» людей...

Для лысенковцев, а в ту пору и для большинства наших ученых непростая и непонятная биография Тимофеева-Ресовского была поистине подарком судьбы. Одна из характерных черт лысенковщины как общественного явления сталинской эпохи была заимствованная из арсенала большевизма политическая компрометация своих научных оппонентов. А Н. В. тем временем пребывал в «ящике» на Урале и продолжал исследования по радиационной генетике и создавал радиационную биогеоценологию.

В 1962 г. Н. В. решает покинуть Урал. В Москву ему путь заказан: серия и номер его паспорта позволяли ему жить лишь за 101 км от столицы. Он переезжает в Обнинск Калужской области, ку-

да его не побоялся пригласить акад. АМН СССР Г. А. Зедгенидзе на должность руководителя крупным отделом во вновь созданном Институте медицинской радиологии. В этот период судьба, казалось бы, повернулась лицом к опальному ученому. Происходит «малая октябрьская революция», Хрущев снят, лысенковщина осуждается и подвергается резкой критике в массовой печати. В первую же неделю после переворота законопослушный ВАК утверждает докторскую степень 64-летнему Тимофееву-Ресовскому.

Наступает один из плодотворных периодов в жизни ученого. Он много ездит по стране, совместно с учениками пишет и публикует монографии, организует летнюю школу под Можайском, читает лекции в Москве, Ленинграде, Ереване. В 1967 г. Н. В. присуждают Международную кимберовскую премию по генетике. Конечно, о поездке в США для вручения премии не могло быть и речи, но от церемонии в Москве он не отказывается.

Несмотря на все это, Н. В. продолжает считаться политически неблагонадежным, находится под непростым контролем идеологических органов. Его научный авторитет и личностное влияние пугают и местную власть, и чиновников из аппарата ЦК КПСС. А потерпевшие поражение лысенковцы продолжают «сигнализировать», и «дятлы», в том числе и из окружения Н. В., не перестают «стучать». Фотография Тимофеева-Ресовского с Солженицыным используется как документальное свидетельство его неблагонадежности, и летом 1970 г. его отправляют на пенсию. Попытки многих видных научных деятелей устроить великого ученого хотя бы на должность консультанта в АН СССР оказываются безуспешными. В сентябре 1970 г. ЦК КПСС запрещает Московскому обществу испытателей природы (МОИП) провести заседание, посвященное 70-летию Тимофеева-Ресовского, с его докладом. Чествование ученого, организованное его друзьями, все же состоялось. В «Бюллетене МОИП» публикуется большая статья Н. Н. Воронцова и А. В. Яблокова к 70-летию Тимофеева-Ресовского, где был приведен полный перечень его научных публикаций. Этот список позволял увидеть, чем же на самом деле занимался в германский период своей деятельности Тимофеев-Ресовский. Вслед за этой статьей последовала инструкция ЦК КПСС: для публикации биографий ныне здравствующих ученых необходимо разрешение «директивных органов».

В этот трудный, если не сказать трагический, для Н. В. момент глава советской космической медицины, академик, генерал-лейтенант медицинской службы О. Г. Газенко приглашает его консультантом в Институт медико-биологических проблем. В этой должности, несмотря на постоянный пресс на Газенко со стороны «кадровиков» и тех, кто стоял за их спиной, ученый оставался до дня своей кончины в 1981 г. Такова жизненная канва ученого той поры, когда судьба каждого вершилась в кабинетах власть имущих.

Н. В. Тимофеев-Ресовский оставил после себя большую школу. Оторванный

от университетов, он имел ограниченные возможности для отбора учеников. Но интеллектуальный потенциал, широта интересов, оригинальность мышления, сочетание традиций российской и западной науки, безудержная смелость привлекали к нему столь многих, что трудно даже оценить, насколько ему обязана современная и отечественная, и мировая на-

ука. Он был полпредом русской науки и культуры на Западе и послом западной науки в нашей стране.

Его имя, увы, пополнило список великих отечественных ученых (среди которых были и Д.И. Менделеев, и В.А. Ковалевский, и М.И. Сеченов), не избранных в Академию наук. И не только этот список. Его имя по-прежнему значится в

списках «врагов народа», ожидающих справедливой переоценки их «деяний» и восстановления истины, которая, как известно, дороже всего.

*Н.Н. Воронцов,
доктор биологических наук,
профессор*